

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВ

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.21684/2587-8484-2022-6-1-8-17

УДК 316.4, 316.35

Тенденции взросления в России и за рубежом: общее и особенное

Майя Андреевна Ядова

кандидат социологических наук, заведующая отделом социологии и социальной психологии,
Институт научной информации по общественным наукам РАН (г. Москва, РФ)
ORCID: 0000-0002-2988-1513
m.yadova@mail.ru

Аннотация. Цель работы — проанализировать тенденции взросления и связанные с ними особенности жизненных траекторий молодежи России и зарубежных стран. В числе ключевых факторов, сопровождающих процесс взросления представителей поколений миллениалов и Z, выделяются: удлинение процесса обучения и обретения финансовой самостоятельности, расширение границ молодости, нелинейность и разнообразие маршрутов жизненного пути, определенная цикличность происходящих «личных» событий. Показано, что жизнь в условиях общества всеобщего риска и перманентной социальной нестабильности требует от молодежи выработки особых навыков, готовности к постоянным переменам и хорошим адаптивным способностям. Также подчеркивается, что на модели взросления в XXI в. влияют социокультурные, экономические, политические особенности и традиции определенной страны или региона. Например, англосаксонская модель взросления предполагает стремление к раннему отделению от родителей, для стран с сильной системой социальной поддержки населения (Северная Европа), наоборот, характерно достаточно позднее взросление, в обществах со слабой государственной системой социального обеспечения или с сильными семейными традициями (страны Южной Европы, Латинской Америки, афро-азиатского региона) принято опираться на семейные ресурсы и поддержку близких; процесс транзита от юности к зрелости в развитых странах Азии носит своеобразный локальный характер. Режим взросления в некоторых регионах (как правило, участвующих в вооруженных конфликтах) подчинен принципам выживания в экстремальных ситуациях. Для России характерны общеевропейские и локальные тренды взросления, так как жизненные траектории отечественной молодежи находятся под значительным влиянием региональных различий. Делается предположение о том, как пандемия COVID-19 повлияет на указанные тенденции.

Ключевые слова: молодежь, миллениалы, тренды взросления, региональные различия, российское общество.

Цитирование: Ядова М. А. Тенденции взросления в России и за рубежом: общее и особенное / М. А. Ядова // Siberian Socium. 2022. Том 6. № 1 (19). С. 8-17.
DOI: 10.21684/2587-8484-2022-6-1-8-17

ВВЕДЕНИЕ

В условиях перманентной социальной турбулентности, характерной для эпохи постмодерна, представляется целесообразным говорить об особых трендах взросления и дестандартизации жизненных траекторий современной молодежи. По мнению специалистов, сегодня новые поколения формируются под влиянием глобализационных эффектов в ключевых сферах общественного развития: экономической (транснациональность капитала, дерегуляция рынка труда, либерализация торговли), политической (процесс политической демократизации, появление разнообразных политических движений и идеологий, свободная трудовая миграция), культурной (вестернизация, распространение поп-культуры, высокая значимость английского языка на международной арене) и коммуникационной (усиление роли массмедиа, Интернета, социальных сетей и новых технологий общения, увеличение скорости передвижения по свету) [8].

Тему траекторий жизненного пути личности, как правило, относят к междисциплинарным. Если говорить о социологическом понимании категории «жизненные траектории» (или «траектории жизненного пути»), то в современной социологии не существует единого определения этого понятия. Одним из первых интерес к данной теме проявил П. Бурдьё, увидевший в траекториях жизни серию хронологически расположенных позиций, которые занимает индивид или группа при перемещении в социальном пространстве [18]. Обычно под жизненным путем понимают многоуровневый процесс, который основывается на «привязанных» к возрасту значимых периодах в нескольких взаимосвязанных жизненных сферах [19, с. 23-49]. Поэтому правильнее было бы выделять образовательную, профессионально-трудовую, семейную и иные траектории жизни отдельного человека, которые, в свою очередь, зависят от «биографических маршрутов» других людей и определенных, социально обусловленных условий жизни (включая региональный контекст, сложившиеся общественные структуры и исторические события, сопровождающие процесс взросления) [1, с. 18].

Постсовременное общество, не предлагая молодежи готовых социальных сценариев, требует от нее адаптивных способностей, готовности к переменам и зачастую к резкой смене жизненного маршрута. Об этом хорошо сказал З. Бауман, назвав лучшей привычкой человека эпохи постмодерна способность обходиться без привычек [14].

Стоит отметить, что сегодняшняя молодежь — это прежде всего поколение миллениалов (следующее за ним и пока малоизученное поколение Z демонстрирует схожие черты, а иногда даже их усиленную версию), которое существенно отличается от своих предшественников: цифровая реальность является неотъемлемой частью повседневной жизни миллениалов, их отличает «отложенное» вступление во взрослую жизнь по сравнению со сверстниками из старших поколений [9]. Специфический режим взросления и сложные социальные и экономические условия жизни (финансовый кризис, рост безработицы, необходимость долго учиться), в которых прошло становление миллениалов, создают определенные предпосылки для формирования у молодежи особого, геймерского (по аналогии с компьютерной игрой, в которой легко «переиграть» негативный сценарий), отношения к жизни и выработки множества адаптационных стратегий.

Среди основных тем современных зарубежных и отечественных исследований, посвященных миллениалам, можно назвать следующие: характерные социокультурные особенности взросления миллениалов в разных странах, сравнительные исследования миллениалов и представителей других поколений, проблемы межпоколенческих отношений, миллениалы в условиях глобализации, цифрового и рыночного общества, различные аспекты жизни миллениалов и т. д. Из зарубежных работ о поколении миллениалов, пожалуй, особо стоит выделить исследования Дж. Твенге [35], Р. Болтон и А. Парасурамана [17], Э. Ына [26] и др. Если говорить об отечественных работах, то проблемы миллениалов, как правило, являются предметом интереса специалистов в области социологии молодежи и поколений; в нашей стране первым наиболее

масштабным и глубоким исследованием российских миллениалов стал широко известный проект В. В. Радаева [9].

МОДЕЛИ ВЗРОСЛЕНИЯ В XXI В.: МЕЖСТРАНОВЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ

В числе основных факторов, сопровождающих процесс взросления современной молодежи, как правило, выделяют следующие: удлинение периода юности, нелинейность и разнообразие вариантов жизненного пути, определенная цикличность происходящих в жизни юношей и девушек «личных» событий [14, 15, 32, 9]. Из-за удлинения периода обучения, экономической нестабильности молодые люди позже начинают профессиональную деятельность, становятся финансово независимыми, откладывают вступление в брак и рождение детей. Нелинейный характер жизненного пути типичного миллениала приводит к нарушениям «прохождения» традиционных этапов взросления, как то: получение образования — первое трудоустройство — достижение материальной и жилищной самостоятельности — создание семьи — рождение ребенка. Нередко уже имевшие место ранее в жизни молодого человека события повторяются вновь и вновь: например, это касается возвращений в статус студента, в родительский дом после развода (или распада неформальных брачных отношений), чередования периодов финансовой самостоятельности и зависимости от старших родственников. Впрочем, несмотря на общие поколенческие черты миллениалов, современные тренды взросления в разных странах существенно варьируются.

Представляется справедливым утверждение ряда исследователей о том, что паттерны взросления зависят не только от социально-культурных особенностей и традиций той или иной страны, но и от свойственных этим государствам режимов социального обеспечения [20, 32, 36]. Например, в англосаксонских странах приняты ранняя сепарация от родителей и начало трудовой деятельности, в то же время в государствах Северной Европы с их традиционно сильной системой социальной поддержки молодежи дается время на поиск себя (и главное, это являет-

ся социально приемлемым и одобряемым вариантом жизненного маршрута) [32, с. 41-42]. В обществах со слабой государственной системой социального обеспечения или с сильными семейными традициями (страны Южной Европы, Латинской Америки, афро-азиатского региона) принято в первую очередь опираться на семейные ресурсы и поддержку близких.

Режим взросления в некоторых регионах, как правило, с неблагоприятной в криминальном плане обстановкой или находящимся в зоне вооруженных конфликтов, подчинен принципам выживания в экстремальных ситуациях. Прежде всего речь идет о наиболее неблагополучных и бедных странах афро-азиатского и латиноамериканского регионов. Так, известна широкая вовлеченность подростков и молодежи стран Африки в военные группировки или бандформирования: почти каждый десятый юный житель Черного континента является участником боевых действий [34]. Существует немало социальных исследований, посвященных изучению членов молодежных банд в странах Африки и Латинской Америки [см., например, 22, 29]. Так, американская исследовательница А. Хонвана [21] называет сегодняшних молодых африканцев поколением ожидания, имея в виду осложненный повседневными трудностями и ограничениями транзит от юности к зрелости и мечту местной молодежи о благополучной жизни. Что касается стран Латинской Америки, то стоит подчеркнуть традиционно особую роль молодежи в латиноамериканской публичной политике: знаменитая аргентинская реформа демократизации высшего образования, которая была инициирована студентами Университета Кордовы в 1918 г., послужила триггером для активистской деятельности следующих поколений молодых латиноамериканцев [13].

Кроме того, существуют государства, которым свойственны глокальные модели взросления, то есть сочетающие в себе глобальные поколенческие тренды со специфическими «местными» особенностями. На наш взгляд, к таким можно отнести развитые страны Азии и России. Например, любопытен опыт Южной Кореи и Японии. В этих странах, как и на Западе, молодежь ориентируется на долгосрочное обучение и поиск себя,

затягивая транзит от юности к зрелости, вместе с тем для молодых корейцев и японцев, стремящихся проработать на одном месте всю жизнь, становится судьбоносным первое трудоустройство [28].

Наконец, для нашей страны характерны обще-европейские и локальные тренды взросления, поскольку жизненные траектории отечественной молодежи находятся под значительным влиянием региональных различий. По мнению демографа Е. С. Митрофановой, модель взросления, которая характерна для сегодняшнего постсоветского поколения молодежи (особенно жителей столиц и больших городов), «композиционно» похожа на европейскую (хотя динамика всё еще разная), а сам процесс взросления трансформируется из «раннего, ускоренного и простого» в «поздний, растянутый и сложный» [6, с. 68]. Она фиксирует замедление процесса взросления за счет откладывания наступления демографических событий, брака и приоритизации получения высшего профессионального образования — события, которое у более старших поколений не входило в число приоритетных [6, с. 68]. Вместе с тем, по словам исследовательницы, существуют российские регионы (речь идет прежде всего о Северном Кавказе), в которых сохраняются более традиционные модели перехода во взрослую жизнь [7].

ЖИЗНЕННЫЕ ТРАЕКТОРИИ МОЛОДЕЖИ: НОВЫЕ ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ПАТТЕРНЫ И УРОКИ ПАНДЕМИИ

В данном разделе попытаемся обозначить некоторые новые векторы развития различных форм жизненных траекторий молодежи XXI в. Начнем с ключевых образовательных и профессиональных траекторий.

Напомним, что образовательные траектории бывают прерывистыми, непрерывными (совмещение учебы и работы), рекурсивными (подразумевающими периодические возвращения в студенческий статус) [11, с. 69]; современная молодежь, справедливо рассматривая качественное образование как дополнительный личностный ресурс, нередко делает выбор в пользу стратегии непрерывного образования [2].

Кроме того, молодежь, в том числе российская, всё чаще ориентируется на нестандартные виды

занятости и «калейдоскопный» тип карьеры — «трудовую стратегию, учитывающую индивидуальные особенности личности и позволяющую адаптировать профессиональный маршрут человека к происходящим в его жизни изменениям» [12, с. 103; 24]. Помимо этого, стоит разделять вынужденно незанятую молодежь и тех, для кого незанятость является важной идентификационной характеристикой и добровольным выбором, — NEET (в России и Европе), хикикомори (в Японии), твикстеры (в США); доля последних в разных обществах, по подсчетам экспертов, нередко превышает 10% [4].

Говоря о трудовых траекториях, нам не хотелось бы упустить из виду такое явление, как дауншифтинг. Вопреки расхожему мнению, результаты многих актуальных отечественных и зарубежных исследований на эту тему дают возможность рассматривать дауншифтинг как альтернативную модель успешности и творческую практику. Кажется закономерным, что наибольшее распространение идеи дауншифтинга получили в странах с высоким уровнем потребления (США, Великобритания, Австралия и др.). Примечательно, что американские исследователи более 20 лет назад зафиксировали интерес к данной социальной практике со стороны молодежи [31]. В России и других постсоветских странах, большая часть населения которых живет, мягко говоря, скромно, не испытывая усталости от ценностей сверхпотребления, идеи дауншифтинга не получили большой поддержки; в то же время среди постсоветской молодежи (особенно из крупных городов) немало приверженцев этого жизненного стиля [10].

Также представляют интерес происходящие в последние годы трансформации, связанные с институтом семьи: наблюдается увеличение числа незарегистрированных союзов, среднего возраста вступления в брак и рождения первого ребенка; переживают изменения паттерны брачно-партнерских, детско-родительских и иных внутрисемейных взаимоотношений; усилился процесс «второго демографического перехода», наметился отход от нуклеарной семьи к дезорганизованной [3, 23, 30, 33].

Любопытно проследить, как со сменой поколений трансформировались паттерны материнского

и отцовского поведения. Так, британский социолог Л. Смит, опираясь на серию глубинных интервью с молодыми матерями, выделила три типа современной матери [33]. Романтическая мать ориентируется прежде всего на традиционные представления о материнстве и индивидуальной «природе» каждого ребенка, для нее на первый план выходят потребности ребенка и естественность воспитательного процесса. Рациональные матери склонны к долгосрочному планированию и строгому расчету. В качестве примера такой матери Смит приводит информантку, которая решила на рождение ребенка только после тщательнейшей подготовки к этому событию и закрытия всех кредитов. Наконец, прагматически ориентированная мать, по классификации Смита, старается отвечать на практические потребности ребенка, не стремясь к идеальным результатам в воспитании. Также важно отметить, что на современных матерей серьезное влияние оказывают транслируемые в массовой культуре образцы поведения «суперматери», «легко и непринужденно» совмещающей материнство и успешную карьеру [27].

Что касается изменений в моделях отцовского поведения, то интересные данные представлены в работе французской исследовательницы А. Марсьяль, посвященной постразводным траекториям отцовства в современной Франции [25]. Автор, проведя серию глубинных интервью с разведенными отцами, обнаружила три вида взаимодействий отцов со своими детьми, в зависимости от того, с кем проживает ребенок — с матерью, с отцом или у обоих родителей поочередно. Как отмечает Марсьяль, разведенные отцы достаточно болезненно воспринимают утрату контактов с ребенком: иногда они борются с бывшей женой за право общения с сыном или дочерью. Своеобразна и отчасти трагична судьба отцов-одиночек, тяжело переживающих свое маргинальное положение. Интересной и, как выяснилось, менее травмирующей формой детско-родительских отношений в разведенных семьях является проживание ребенка то с матерью, то с отцом. Отметим, что сегодня даже в традиционно ориентированных обществах произошла «нормализация» социальных представлений о значимой роли отца в воспитании ребенка. Например, в законодательстве Чили и Уругвая не так давно

были внесены изменения, касающиеся увеличения отпуска по уходу за ребенком, который может быть предоставлен и отцам [16].

Стоит сказать, что выше были рассмотрены наиболее распространенные формы жизненных траекторий современного человека, однако некоторые исследователи выделяют нестандартные варианты «жизненного маршрута». К примеру, российский социолог А. И. Ковалева пишет о категории социализационной траектории, которая отражает временную динамику результативности социализации индивида, а точнее, адаптацию личности к принятым в обществе социальным нормам и степень их усвоения [5, с. 114].

Охватившая мир пандемия COVID-19, вероятно, повлияет на тренды взросления, попытаемся немного поразмышлять, каким образом. Во-первых, можно предположить, что адаптивная гибкость и цифровая компетентность новых «цифровых поколений» будут способствовать преодолению негативных последствий коронавирусного кризиса. Во-вторых, есть вероятность усиления уже зафиксированных тенденций, связанных с более затяжным и напряженным процессом взросления, который усложнят обусловленные пандемией проблемы на рынке труда и образования. В-третьих, представляется вероятной еще большая дифференциация между сильно- и слабосурсными группами молодежи с точки зрения адаптации к постковидным реалиям.

ВЫВОДЫ

Подводя итоги, отметим разнообразие форм потенциальных жизненных траекторий, характерных для молодежи эпохи поздней современности. По мнению ряда зарубежных и отечественных социальных исследователей, процесс взросления во многих странах мира становится более поздним, растянутым во времени, сложным и вариативным. Впрочем, это не отменяет значимости социально-регионального контекста, в рамках которого развиваются те или иные модели взросления. Думается, правильнее было бы оценивать сегодняшний тренд на удлинение периода молодости не как избегание взрослости, а как созидание современными поколениями новых вариантов жизненных «сценариев», «маршрутов» и «календарей».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блоссфельд Х.-П. Исследование жизненных путей в социальных науках: темы, концепции, методы и проблемы / Х.-П. Блоссфельд, И. Хьюиник // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Том 9. № 1. С. 15-44.
2. Горшков М. К. Непрерывное образование в контексте модернизации / М. К. Горшков, Г. А. Ключарев. М.: ИС РАН, ФГНУ ЦСИ, 2011. 232 с.
3. Гурко Т. А. Теоретические подходы к изучению семьи / Т. А. Гурко. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИС РАН, 2016. 210 с.
4. Зудина А. А. «Не работают и не учатся»: молодежь NEET на рынке труда в России / А. А. Зудина // Мир России. 2019. Том 28. № 1. С. 140-160. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-1-140-160
5. Ковалева А. И. Концепция социализации молодежи: норма, отклонения, социализационная траектория / А. И. Ковалева // Социологические исследования. 2003. № 1. С. 109-115.
6. Митрофанова Е. С. Модели взросления разных поколений россиян / Е. С. Митрофанова // Демографическое обозрение. 2019. Том 6. № 4. С. 53-82. DOI: 10.17323/demreview.v6i4.10427
7. Митрофанова Е. С. Переход во взрослую жизнь: сравнение Северного Кавказа с общероссийской картиной / Е. С. Митрофанова // The Journal of Social Policy Studies. 2019. Том 17. № 1. С. 133-141. DOI: 10.17323/727-0634-2019-17-1-133-141
8. Поливанова К. Н. Практики развития: взросление в современном мире / К. Н. Поливанова // Материалы научно-экспертного семинара «Новое детство». PsyJournals.ru. 2012. URL: http://psyjournals.ru/newchildhood/issue/56292_full.shtml (дата обращения: 20.12.2021).
9. Радаев В. В. Миллениалы: как меняется российское общество / В. В. Радаев. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 224 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-1985-1
10. Торотоева А. М. Дауншифтинг как альтернативная модель успешности. (Обзор) / А. М. Торотоева // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. 2020. № 2. С. 18-26. DOI: 10.31249/rsoc/2020.02.03
11. Чередниченко Г. А. Образовательные и профессиональные траектории молодежи: исследовательские концепты / Г. А. Чередниченко // Социологический журнал. 2013. № 3. С. 53-74.
12. Ядова М. А. Образовательные и профессиональные стратегии постсоветской молодежи / М. А. Ядова // Россия и современный мир. 2017. № 2. С. 91-104. DOI: 10.31249/rsm/2017.02.06
13. Balardini S. Córdoba, «cordobazo» y después: Mutaciones del movimiento juvenil en Argentina (Cordoba, cordobazo and aftermath: Mutations of the youth movement in Argentina) / S. Balardini // Movimientos juveniles: De la globalización a la antiglobalización (Youth movements: From globalization to antiglobalization) / ed. por C. Feixa, J. R. Saura, C. Costa. Barcelona: Ariel, 2002. Pp. 37-58.
14. Bauman Z. The Individualized Society / Z. Bauman. Cambridge, U.K.: Polity Press, 2001. 272 pp.
15. Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity / U. Beck. L.: Sage, 1992. 260 pp.
16. Blofield M. Work, family and public policy changes in Latin America: equity, maternalism and co-responsibility / M. Blofield, J. F. Martínez // Cepal Review. 2014. No. 114. Pp. 101-117.
17. Bolton R. N. Understanding Generation Y and their use of social media: a review and research agenda / R. N. Bolton, A. Parasuraman, A. Hoefnagels et al. // Journal of Service Management. 2013. Vol. 24. No. 3. Pp. 245-267.
18. Bourdieu P. Le Sens pratique / P. Bourdieu. Paris: Minuit, 1980. 480 pp.
19. Elder G. H. Jr. Perspectives on the Life Course. Life Course Dynamics / ed. by G. H. Elder Jr. Ithaca: Cornell University Press, 1985. 345 pp.
20. Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism / G. Esping-Andersen. Cambridge: Polity Press, 2015. 248 pp.
21. Honwana A. The Time of Youth: Work, Social Change, and Politics in Africa Sterling / A. Honwana. VA: Kumarian Press, 2012. 241 pp.

22. Iwilade A. Everyday agency and centred marginality: being “youth” in the oil-rich Niger Delta of Nigeria / A. Iwilade // *Ateliers d’anthropologie*. 2020. No. 47. URL: <https://journals.openedition.org/ateliers/12277> (дата обращения: 20.12.2021).
23. Lesthaeghe R. *The Second Demographic Transition in Western Countries: An Interpretation* / R. Lesthaeghe. Bruxelles: Vrije Universiteit, 1991. 53 pp.
24. Mainiero L. A. *The Opt-Out Revolt: Why People Are Leaving Companies to Create Kaleidoscope Careers* / L. A. Mainiero, S. E. Sullivan. Mountain View (CA): Davies-Black, 2006. 400 pp.
25. Martial A. Paternités contemporaines et nouvelles trajectoires familiales / A. Martial // *Ethnologie française*. 2012. Vol. 42. No. 1. Pp. 105-116. DOI: [10.3917/ethn.121.0105](https://doi.org/10.3917/ethn.121.0105)
26. Ng E. S. W. New generation, great expectations: a field study of the Millennial generation / E. S. W. Ng, L. Schweitzer, S. T. Lyons // *Journal of Business and Psychology*. 2010. Vol. 25 (2). Pp. 281-292.
27. Orgad Sh. The cruel optimism of «the good wife»: the fantastic working mother on the fantastical treadmill / Sh. Orgad // *Television and New Media*. 2017. Vol. 18. No. 2. Pp. 165-183. DOI: [10.1177/1527476416652483](https://doi.org/10.1177/1527476416652483)
28. Oshima M. The transition from school to work: the role of job placement assistance provided by schools / M. Oshima // *Social Science Japan Newsletter*. 2012. No. 47. Pp. 22-25.
29. Reguillo R. Memories of the future: the Mara: contingency and affiliation with excess / R. Reguillo // *Young*. 2012. Vol. 20. No. 4. Pp. 345-355. DOI: [10.1177/110330881202000403](https://doi.org/10.1177/110330881202000403)
30. Sahlins M. *What Kinship Is — and Is Not* / M. Sahlins. Chicago: University of Chicago Press, 2013. 120 pp.
31. Schor J. B. *The Overspent American: Upscaling, Downshifting and the New Consumer* / J. B. Schor. New York: Basic Books, 1998. 253 pp.
32. Serracant P. The Impact of the Economic Crisis on Youth Trajectories: A Case Study from Southern Europe / P. Serracant // *Young*. 2015. Vol. 23. No. 1. Pp. 39-58. DOI: [10.1177/1103308814557398](https://doi.org/10.1177/1103308814557398)
33. Smyth L. The disorganized family: institutions, practices and normativity / L. Smyth // *The British Journal of Sociology*. 2016. Sept. 14. Vol. 67. Iss. 4. Pp. 678-696. DOI: [10.1111/1468-4446.12217](https://doi.org/10.1111/1468-4446.12217)
34. *The Use of Children as Soldiers in Africa Report*. 2018. Feb. 20. URL: <https://web.archive.org/web/20180220092236/https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/The%20Use%20of%20Children%20as%20Soldiers%20in%20Africa%20report.pdf> (дата обращения: 15.03.2020).
35. Twenge J. M. *Generation Me: Why Today’s Young Americans Are More Confident, Assertive, Entitled — and More Miserable Than Ever Before. Revised, Updated ed.* / J. M. Twenge. New York: Atria Books, 2014. 400 pp.
36. Walther A. Regimes of youth transitions: choice, flexibility and security in young people’s experiences across different European contexts / A. Walther // *Young*. 2006. Vol. 2. No. 14. Pp. 119-139. DOI: [10.1177/1103308806062737](https://doi.org/10.1177/1103308806062737)

RESEARCH ARTICLE

DOI: 10.21684/2587-8484-2022-6-1-8-17

UDC 316.4, 316.35

Growing up trends in Russia and foreign countries: common and specific

Maiya A. Yadova

Cand. Sci. (Soc.), Head of the Department of Sociology and Social Psychology,
Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)
ORCID: 0000-0002-2988-1513
m.yadova@mail.ru

Abstract. The purpose of the present article is to analyze growing up trends and specific features of life trajectories of young people in Russia and foreign countries. The key factors accompanying the process of maturation of representatives of Millennial and Z generations include prolongation of the educational process and of acquiring financial independence, expansion of youth boundaries, non-linearity and diversity of life paths, specific cyclicity of “personal” events occurring. The research demonstrates that the life in the context of global risk society and permanent social instability requires young people to develop specific skills, willingness to constantly change and good adaptive abilities. It is also highlighted that the 21st century maturation patterns are influenced by the socio-cultural, economic, political specificities and traditions of a certain country or region. For example, the Anglo-Saxon model of maturation involves a desire for early separation from parents; countries with a strong social support system (Northern Europe), by contrast, are characterized by rather late maturation; societies with weak state welfare systems or with strong family traditions (Southern Europe, Latin America, Afro-Asian countries) usually rely on family resources and support from relatives; the transition from youth to maturity in the developed countries of Asia has a distinctive global nature. The mode of growing up in some regions (usually involved in armed conflicts) is subject to the regulations of survival in extreme situations. Russia is characterized by Pan-European and local maturation trends, as the life trajectories of Russian youth are significantly influenced by regional differences. The author also makes an assumption regarding the impact of the COVID-19 pandemic on these trends.

Keywords: youth, Millennials, growing up trends, regional differences, Russian society.

Citation: Yadova M. A. 2022. “Growing up trends in Russia and foreign countries: common and specific”. *Siberian Socium*, vol. 6, no. 1 (19), pp. 8-17. DOI: 10.21684/2587-8484-2022-6-1-8-17

REFERENCES

1. Blossfeld H.-P., Huinink J. 2006. “Life paths research in social sciences: topics, concepts, methods and problems”. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 9, no. 1, pp. 15-44. [In Russian]
2. Gorshkov M. K., Klyucharev G. A. 2011. *Lifelong learning within the modernization context*. Moscow: IS RAS, FGNU TsSI. 232 pp. [In Russian]
3. Gurko T. A. 2016. *Theoretical approaches to family studies*. 2nd Edition. Moscow: IS RAS. 210 pp. [In Russian]
4. Zudina A. A. 2019. “The NEET youth in the Russian labor market”. *Universe of Russia*, vol. 28, no. 1, pp. 140-160. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-1-140-160 [In Russian]

5. Kovaleva A. I. 2003. "Concept of youth socialization: norms, deviation, socializing trajectory". *Sociological studies*, no. 1, pp. 109-115. [In Russian]
6. Mitrofanova E. S. 2019. "Models of the transition to adulthood of different Russian generations". *Demographic Review*, vol. 6, no. 4, pp. 53-82. DOI: 10.17323/demreview.v6i4.10427 [In Russian]
7. Mitrofanova E. S. 2019. "Entering adult life: North Caucasus in comparison to other regions of Russia". *The Journal of Social Policy Studies*, vol. 17, no. 1, pp. 133-141. DOI: 10.17323/727-0634-2019-17-1-133-141 [In Russian]
8. Polivanova K. N. 2012. "Development practices: growing up in the contemporary world". Proceedings of the Scientific Seminar "New childhood". *PsyJournals.ru*. Accessed 20 December 2021. http://psyjournals.ru/newchildhood/issue/56292_full.shtml [In Russian]
9. Radaev V. V. 2019. *Millennials: how the Russian society changes*. Moscow: Publishing House of HSE. 224 pp. DOI: 10.17323/978-5-7598-1985-1 [In Russian]
10. Torotoeva A. M. 2020. "Downshifting as an alternative model of success. (Review)". *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11: Sociology*, no. 2, pp. 18-26. DOI: 10.31249/rsoc/2020.02.03 [In Russian]
11. Cherednichenko G. A. 2013. "Educational and professional trajectories of the youth: research concepts". *Sociological Journal*, no. 3, pp. 53-74. [In Russian]
12. Yadova M. A. 2017. "The educational and professional strategies of the Post-Soviet youth". *Russia and the Contemporary World*, no. 2, pp. 91-104. DOI: 10.31249/rsm/2017.02.06 [In Russian]
13. Balardini S. 2002. "Córdoba, 'cordobazo' y después: Mutaciones del movimiento juvenil en Argentina (Cordoba, cordobazo and aftermath: Mutations of the youth movement in Argentina)". In: Feixa C., Saura J. R., Costa C. (eds.). 2002. *Movimientos Juveniles: De la Globalización a la Antiglobalización (Youth Movements: From Globalization to Antiglobalization)*. Pp. 37-58. Barcelona: Ariel. [In Spanish]
14. Bauman Z. 2001. *The Individualized Society*. Cambridge, U. K.: Polity Press. 272 pp.
15. Beck U. 1992. *Risk Society: Towards a New Modernity*. London: Sage. 260 pp.
16. Blofield M., Martínez J. F. 2014. "Work, family and public policy changes in Latin America: equity, maternalism and co-responsibility". *Cepal Review*, no. 114, pp. 101-117.
17. Bolton R. N., Parasuraman A., Hoefnagels A. et al. 2013. "Understanding Generation Y and their use of social media: a review and research agenda". *Journal of Service Management*, vol. 24, no. 3, pp. 245-267.
18. Bourdieu P. 1980. *Le Sens Pratique*. Paris: Minuit. 480 pp. [In French]
19. Elder G. H. Jr. 1985. *Perspectives on the Life Course. Life Course Dynamics*. Edited by G. H. Elder Jr. Ithaca: Cornell University Press. 345 pp.
20. Esping-Andersen G. 2015. *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Cambridge: Polity Press. 248 pp.
21. Honwana A. 2012. *The Time of Youth: Work, Social Change, and Politics in Africa*. Sterling, VA: Kumarian Press. 241 pp.
22. Iwilade A. 2020. "Everyday agency and centred marginality: being 'youth' in the oil-rich Niger delta of Nigeria". *Ateliers d'anthropologie*, no. 47. Accessed 20 December 2021. <https://journals.openedition.org/ateliers/12277>
23. Lesthaeghe R. 1991. *The Second Demographic Transition in Western Countries: An Interpretation*. Bruxelles: Vrije Universiteit. 53 pp.
24. Mainiero L. A., Sullivan S. E. 2006. *The Opt-Out Revolt: Why People Are Leaving Companies to Create Kaleidoscope Careers*. Mountain View (CA): Davies-Black. 400 pp.
25. Martial A. 2012. "Paternités contemporaines et nouvelles trajectoires familiales". *Ethnologie Française*, vol. 42, no. 1, pp. 105-116. DOI: 10.3917/ethn.121.0105 [In French]
26. Ng E. S. W., Schweitzer L., Lyons S. T. 2010. "New generation, great expectations: a field study of the Millennial generation". *Journal of Business and Psychology*, vol. 25 (2), pp. 281-292.
27. Orgad Sh. 2017. "The cruel optimism of 'the good wife': the fantastic working mother on the fantastical treadmill". *Television and New Media*, vol. 18, no. 2, pp. 165-183. DOI: 10.1177/1527476416652483

28. Oshima M. 2012. "The transition from school to work: the role of job placement assistance provided by schools". *Social Science Japan Newsletter*, no. 47, pp. 22-25.
29. Reguillo R. 2012. "Memories of the future: The Mara: contingency and affiliation with excess". *Young*, vol. 20, no. 4, pp. 345-355. DOI: 10.1177/110330881202000403
30. Sahlins M. 2013. *What Kinship Is — and Is Not*. Chicago: University of Chicago Press. 120 pp.
31. Schor J. B. 1998. *The Overspent American: Upscaling, Downshifting and the New Consumer*. New York: Basic Books. 253 pp.
32. Serracant P. 2015. "The impact of the economic crisis on youth trajectories: a case study from Southern Europe". *Young*, vol. 23, no. 1, pp. 39-58. DOI: 10.1177/1103308814557398
33. Smyth L. 2016. 14 September. "The disorganized family: institutions, practices and normativity". *The British Journal of Sociology*, vol. 67, iss. 4, pp. 678-696. DOI: 10.1111/1468-4446.12217
34. *The Use of Children as Soldiers in Africa Report*. 2018. 20 February. Accessed 15 March 2020. <https://web.archive.org/web/20180220092236/https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/The%20Use%20of%20Children%20as%20Soldiers%20in%20Africa%20report.pdf>
35. Twenge J. M. 2014. *Generation Me: Why Today's Young Americans Are More Confident, Assertive, Entitled — and More Miserable Than Ever Before*. Revised, Updated ed. New York: Atria Books. 400 pp.
36. Walther A. 2006. "Regimes of youth transitions: choice, flexibility and security in young people's experiences across different European contexts". *Young*, vol. 2, no. 14, pp. 119-139. DOI: 10.1177/1103308806062737